

Полковник Пеле в России: 1812 год

Жан-Жак Пеле, солдат Первой Империи, принял участие в ряде наиболее важных исторических сражений на полях Европы. Он был в Аустерлице, Асперне-Эсслинге, Ваграме, Торрес-Вердасе, Бородино, Дрездене, Лейпциге и Ватерлоо, испытал на себе трагизм большинства отступлений наполеоновской армии в тяжелых климатических условиях: из Португалии в 1811 г., из России в 1812 г., из Германии в 1813 г. и последовавшее за ним отступление через восточную Францию в 1814 г. Однако его самое длительное сражение и наиболее трудное поле битвы было в России, поэтому в данной статье автор в основном сосредоточился на деятельности Пеле в период отступления от Москвы до Ковно, расстояние между которыми составляет около 500 миль.

Родившийся в 1777 г., Пеле получил образование в Военной академии в Тулузе. В 1800 г. он поступил на армейскую службу и служил в штабе Маршала Андре Массена в Италии, Польше и Австрииⁱ. Пеле сопровождал Массена и Португалию в 1810 г. в качестве его первого адъютанта. Первоначально развивавшаяся успешно кампания споткнулась у Лиссабона. Отступая к испанской границе 200 миль с арьегардом под командованием маршала Мишеля Нея, Пеле вернулся во Францию, но не был допущен к командованию полкомⁱⁱ. Когда Наполеон вторгся в Россию в июне 1812 г., Пеле находился при штабе генерала Жоржа Мутона, графа Лобау, в войсках правого крыла французской армииⁱⁱⁱ. Он участвовал в сражении у Смоленска командуя польским полком из корпуса принца Йозефа Понятовского^{iv}.

6 сентября в Бородино как представитель от штаб-квартиры Лобау он сопровождал штаб Наполеона во время осмотра позиции маршала Кутузова. По своему возвращении в штаб-квартиру он по памяти начертил точную карту местности, выбранной для поля битвы, с расположением на нем обеих армий^v. На следующий день он принял участие в атаке на Багратионовы флеши. Перед полуднем он сопровождал Наполеона к берегам р. Колочи, а позже был у деревни Семеновское^{vi}.

Бородинское сражение, вовлекшее более 150 000 русских и более 130 000 солдат Великой армии, было монументальным, ставшим самой кровавой битвой XIX столетия^{vii}. Оно обеспечило Наполеону прямой путь к Москве, но обошлось ему в 30 000 потерь. Русские, наоборот, хотя и отступили с поля сражения с потерями в 40 000, сохранили армию способную сражаться дальше.

После Бородино французская армия 15 сентября заняла Москву. Пеле свидетельствовал в своих воспоминаниях о пожаре столицы и разложении дисциплины во французской армии, но он ничего не знал о неудавшихся попытках Наполеона вступить в переговоры о заключении мира с царем Александром. Результаты этого стали очевидными, когда французская армия начала эвакуироваться из Москвы. Тем временем Пеле получил титул барона Империи и назначен командиром 48-го линейного полка, который характеризовался как «один из самых прекрасных полков в армии»^{viii}, даже несмотря на то, что полк потерял во время нашествия в Россию три четверти своего состава. Его полк соединился с 15-м и 33-м линейными полками дивизии генерала Этьена Ришара из корпуса маршала Луи Даву^{ix}, и выступил из Москвы вечером 19 октября.

Хотя Наполеон планировал следовать по дороге на Калугу и избежать возвращения по опустошенному маршруту нашествия 24 октября у г. Малоярославца путь французам преградила армия Кутузова. После двухдневного сражения Наполеон оставил дорогу на Калугу и двинулся маршем на север, чтобы возвращать с армией по главной дороге к Смоленску. Тем временем русские войска, скорее не для того чтобы преследовать французов, а что бы сконцентрироваться вдоль маршрута их отступления, отошли назад.

Пеле и его полк имел незавидное задание сопровождать част тяжелой артиллерии 1-го корпуса, присоединенную к арьегарду. Когда 31 октября он обошел Гриднево, его полк был атакован казаками генерала Матвея Платова. Пеле развернул своих воль

тижеров, образовал каре и даже снял некоторые орудия с передка, чтобы Отогнать казаков, но успеха не имел^x.

К 3 ноября, когда его колонны приближались к Вязьме, а лошади гибли от голода, Пеле издал приказы начать взрывать зарядные ящики. Когда он вошел в город и увидел раненых и мертвых, брошенных прямо на улицах, он понял, что их отступление превратится в бои с преследующей их русской казачками. Русский генерал Михаил Милорадович с 20 000 кавалерии и пехоты атаковал корпус Даву, и только своевременное прибытие войск вице-короля Евгения и маршала Нея спасло корпус Даву^{xi}.

4 ноября Пеле начал жаловаться по поводу артиллерийского обоза, который становился постоянным источником расстройств его планов. При переходе через р. Осма, когда орудия и зарядные ящики переправлялись по деревянному мосту, многие из колонны солдат были вытеснены с моста, некоторые из них были раздавлены а другие получили увечья, когда артиллерийские повозки сгрудились в узком проходе. Пеле пришел в такую ярость, что приказал своей пехоте применить байонеты, чтобы повозки не мешали, прохождению колонны^{xii}.

Погода становилась все хуже, и вскоре солдаты Пеле были вынуждены с трудом продвигаться по снегу в два фута высотой. Когда они подошли к мосту через Днепр, Даву настоял на том, чтобы 12-фунтовые пушки, каждая весом около двух тонн, протащили через мост и вытянули наверх по обледенелым склонам. Неподкованные лошади скользили и падали, и людям Пеле пришлось трудиться весь день до глубокой ночи, чтобы исполнить приказ маршала^{xiii}.

На Днепре Пеле также впервые признал воздействие погоды на своих солдат. Он писал, что «холод был слишком суров, и именно здесь я впервые увидел людей умиряющих от холода... На ши биваки были похожи на поля сражений, на каждом из кото рых мы оставляли мертвых. Сильные умирали наравне с осталь ными». Их дальнейшее настроение подрывали слухи, распрост раненные среди отрядов, что армия Кутузова находящаяся по близости, собирает добычу и мертвые тела как трофеи^{xiv}.

Приближаясь к Смоленску, войска Пеле ожидали найти там пищу, подкрепление и «конец нашим несчастьям». Однако Пеле вскоре узнал, что генералы распределили продовольствие по сво им частям, но большая его часть была разграблена и потрачена впустую, мало что осталось, и невозможно было ничего купить. Пока 48-й линейный располагался биваком в заснеженном при городе Смоленска. Пеле сам отправился в город, в котором он обнаружил разграбленные магазины и доверху набитую мертвыми телами комнату главной императорской штаб-квартиры. Ему уда лось обнаружить крохотный запас зерна и большую бочку бренди, которые едва ли могли удовлетворить страдающих от голода солдат. В этой жалкой ситуации он получил вызывавший смех пакет документов от маршала Даву с инструкцией установить в полку обязательную воинскую дисциплину^{xv}.

Находясь в городе, Пеле был удивлен, узнав, что его полк также, как и остатки дивизии Ришара, переданы маршалу Нею, командовавшему теперь арьергардом. В результате этого 48-й линейный полк оставался в пригороде дожидаться корпуса маршала Нея^{xvi}. Тем временем некоторые из его солдат выкрали бренди, напились и отказались покинуть дома в городе. Пеле приказал поджечь дома, но некоторые солдаты все равно отказывались оставить город.

Пеле не мог понять решение Наполеона эвакуировать войска из Смоленска корпус за корпусом в течение четырех дней, обрекая армию на постепенное разложение. Как он и предполагал. Кутузов проскользнул между колоннами Наполеона и атаковал корпуса Евгения и Даву около Красного. Наполеон послал Мо лодую гвардию назад спасти осажденный корпус, но потери фран цузов были велики, и арьергард Нея был оставлен^{xvii}. Даву послал одного из офицеров сообщить обоим, Ришару и Нею, о сражении у Красного и посоветовать им начать движение. Ришар приказа Пеле и другим полковникам приготовиться к маршу, но Ней с вызовом ответил, что если другие боятся казаков, то он их не боится, что он пройдет через всех казаков в мире, что у него есть приказ выступать в 8.00 и он не выйдет ни минутой раньше^{xviii}.

Полк Пеле, выступивший ранее 3 часов утра 17 ноября, про шел мимо оставленных

орудий и разобранных на дрова зарядные ящиков. «Но, — писал он, — самое ужасное было видеть мест ность, кругом покрытую трупами солдат, умерших от холода или голода; их несчастные лица были подтверждением их долгих стра даний»^{xxix}.

18 ноября все три полка дивизии оказались под артиллерийским огнем, так как казаки использовали захваченную ими французскую пушку. Приближаясь к Красному, они проходили мимо множества раненых, но маршал Ней, казалось, не обращал внимания на это доказательство того, что ранее здесь были бои. Все же Пеле ожидал найти в Красном французскую армию. Поднявшись на высоты, находящиеся перед городом, и всматриваясь сквозь туман, он думал, что видит армию Наполеона полностью развернутую перед Красным. «Я не сомневался, что это была французская армия... Я думал, что французская армия выстроена, дожидаясь нас, [но] быстро понял свою ошибку»^{xxx}.

Пеле шел во главе полка в сопровождении своей верной лошади Гризельды с картой в руке, читая книгу о противоядиях: Вдруг несколько пуль «просвистело мимо» его ушей. Он сразу же сообразил, что французская армия покинула Красный. Арьергард был полностью отрезан и Пеле оказался прямо перед русской армией^{xxxi}.

Почти час спустя прибыл маршал Ней «в ярости». Он выразив свое недовольство Ришару и отдал приказ идти в атаку, даже не видя поля сражения. Казалось, он хочет, чтобы 3-й корпус продвинулся вперед и опередил дивизию Ришара. Ришар закричал «Солдаты 1-го корпуса, вы хотите чтобы они вас опередили?» «Соперничая друг с другом - записал Пеле, - игнорируя создавшуюся ситуацию, эти два дурака посылали нас на резню». Действительно, как могла одна дивизия атаковать армию противника, находясь перед врагом почти в одну милю шириной без поддержки артиллерии или резервов^{xxxii}

Дивизия Ришара, насчитывающая менее 2000 человек, 650 из которых были из 48-го линейного, начала атаку против войск Милорадовича и 24 орудий. Идя через врага, они были частично защищены от огня русских. Перейдя покрытый льдом ручей, Пеле сквозь туман вывел свои войска из врага вправо и прямо на войска Милорадовича.

Он повернул направо и пошел в штыковую атаку прямо на войска Милорадовича. Русская картечь прорвала колонну. Спе шившись, в серо-голубом плаще, треугольной шляпе и со шпагой в руке, Пеле повел 48-й линейный вперед под полковым орлом^{xxxiii}. Он получил удар в руку. На крики из рядов, что полковник ранен, Пеле возразил: «Нет, друзья мои. За мной, вперед! Вперед!». Град картечи обрушился на французскую пехоту, Пеле был во второй раз ранен в правую ногу, а некоторое время спустя, получил удар в левую ногу. Вынужденный покинуть поле сражения, Пеле остался на перевязочном пункте, где хирург извлек пулю из руки, перевязал рану платком, предоставленным ему «прекрасной маркировкой», которой Пеле пообещал вознаграждение^{xxxiv}.

Так как сражение продолжалось, Пеле, завернувшись в красную мантию сел на Гризельду, его шинель была изрешечена картечью, пустой рукав куртки свисал. Ней глядя на него, очевидно, вспомнил цену своему помощнику за все эти годы. Он приближался к раненому полковнику и попросил Пеле присоединиться к его штабу. Ней жаловался: «Он нас бросил. Он принес нас в жертву ради своего спасения. Что нам делать? Куда нам идти?» Ней столкнулся с критической ситуацией. Каждая из его атак была отражена с ошеломляющими потерями. В его рядах оставалось еще 30 000 человек, менее 100 из них принадлежало 48-му линейному полку. Было невозможно прорваться сквозь русскую армию, все же он отклонил все предложения относительно сдачи. Ней полагал, что надо идти на юг, на Могилев. Пеле оспаривал такое решение, предлагая переправиться ночью через Днепр, пока лед еще достаточно крепок, чтобы потом можно было идти на Оршу, для соединения с основной армией^{xxxv}. Пеле не был согласен, потому что считал, что марш в сторону Могилева приведет их к основным силам русской армии и одновременно удалит их от собственной армии. После долгого обсуждения Ней согласился. Позднее Пеле записал в своем журнале: «Это был самый прекрасный момент в моей жизни; я был ранен, но силен телом и духом»^{xxxvi}.

Таким образом, остатки французского арьергарда двинулись по Смоленской дороге и расположились биваком у деревни Данкова. После того как в лагере были разведены костры, войска быстро выскользнули из деревни в темноте и быстро пошли по дороге к правому берегу Днепра. Ведомые проводником, хромым крестьянином, они достигли деревни Сырокоренье перед полночью. Тем временем Пеле был вынужден оставить

Гризельду и найти убежище в маленьком фургоне «одной доброй польской маркитантки»^{xxvii}.

Когда осажденные войска достигли Днепра ниже Сырокопье, лед еще не был достаточно крепок, чтобы выдержать их переход. Пеле оставался в деревне, в то время как многие воины, включая Нея, завернувшись в шинели, пытались поспать, расположившись вдоль берега реки. Около двух часов утра 19 ноября солдаты начали переходить реку в один ряд, проверяя толщину льда мушкетами или палками. Однако из-за повышения температуры, вызванной проходом сотен солдат, лед начал подтаивать. Некоторые, попадая на тонкий слой льда, находили в воде свою могилу. Спустя какое-то время часть лошадей переправилась по льду, но орудия и зарядные ящики пришлось бросить. Опасность атаки со стороны казаков заставила Пеле покинуть повозку маркитантки и пробираться по льду с помощью своих адъютантов. Делая зигуны, они перешли на другой берег реки. Вскоре после этого, лед начал ломаться, оставляя сотни солдат и шедших с ними гражданских лиц на противоположном берегу казакам^{xxviii}.

Ней и его офицеры собрали свои войска и быстрым маршем направились в сторону Орши. Пеле, не будучи в состоянии идти, очень обрадовался, увидев, что один из его офицеров перевел Гризельду через реку. Несмотря на боль, он взобрался на лошадь и продолжал отступление верхом, но вскоре перебрался в сани. Во время этого ужасного марша. Пеле увидел маршала Нея, «который был единственным, кто выглядел спокойным в этом волнующемся море. Он прошел около меня и сказал: "Скоро ночь послужит нам, и мы прорвемся через них"». Пеле согласился, заявляя, что ночь была «нашим ангелом-хранителем»^{xxix}. Он признавал: «Мы снова скрылись благодаря твердости и самообладанию маршала и доблести войск»^{xxx}.

Однако многим в армии ситуация казалась безнадежной, поскольку дисциплина начала разлагаться. Кроме ужасной погоды, сильного голода, продолжающихся атак казаков и постоянной угрозы, исходившей от основной русской армии, одни жаловались на упорство Нея, а другие открыто говорили о переговорах и капитуляции. Пеле страшился подобные разговоры. В том случае, если арьергард сдастся русским, он решил бежать вместе со штандартом и орлом под охраной шести гренадеров, чтобы уйти в Литву. Раненый Пеле понимал, что он мало что может сделать для менее чем 100 солдат оставшимся в его полку, по крайней мере, он хотя бы сможет сохранить орла и честь полка^{xxxi}.

Наконец, при свете луны в ночь на 21 ноября авангард Нея и несколько его офицеров достигли Орши, лишённые абсолютно всего. Из 6000 солдат, вышедших из Смоленска, менее 1500 добрались до Орши. Они потеряли все кроме своих жизней и чести^{xxxii}.

В знак признания этого необычайного спасения Ней был назван Наполеоном принцем Московским, а Пеле заметил: «Я остался полковником». Однако в качестве напоминания он написал Нею, заверяя его, что никогда не забудет «чести, которую имел, находясь [с Вами] там». Некоторое время спустя Пеле был назван «гералом» в результате рекомендации или Нея, или графа Лобау^{xxxiii}.

Тем временем, 24 ноября Наполеон достиг города Борисова на Березине, обнаружив только мост и русские войска под командованием адмирала Павла Чичагова на противоположном берегу, заблокировавших проход. К счастью, был обнаружен брод на реке Студянка. 25 ноября саперы начали строить два моста, а на следующий день Пеле подошел к деревне, в которой он и его офицеры нашли жалкий приют^{xxxiv}. 28 ноября рано утром Пеле приблизился к мосту, но там скопилось около 400 фургонов в ожидании переправы. Не дожидаясь очереди, он вышел из своего фургона по совету тех, кто требовал, чтобы по мосту можно было пропускать только пешеходов или верхом на лошадях. Все еще находясь в 600 метрах от моста, он был поглощен массой людей, ожидающих начала переправы. Там были конница, пехота, раненые, отставшие вместе с невоюющими гражданскими лицами, возможно, 100000 людей, пытавшихся одновременно пройти через мост и создавших огромную пробку^{xxxv}.

Пеле, потрясенный давкой, медленно, но без остановки продолжал двигаться к мосту, поддерживаемый своими адъютантами^{xxxvi}. Он вспоминал: «Я все время двигался вперед, но мое продвижение было незначительным и бесполезным». Он обращался к нескольким офицерам из тех, кого он знал, но они его не слышали или же не обращали никакого

внимания. Один из офицеров, поддер живавших Пеле, закричал о помощи «раненому полковнику». На конец один «храбрый поляк» с лошады предложил помощь. Пеле сел верхом, а поляк повел ее сквозь толпу через мост, в то время как Пеле размахивал палкой налево и направо, когда они натыка лись на препятствия. Он снова проклинал артиллерию, катившу юся через пешеходный мост, выбившюся из строя, калечашую людей и сталкивающую некоторых из них в ледяную воду»^{xxxvii}. По надобилось два часа, чтобы перейти через 80-метровый мост, но когда Пеле наконец добрался до противоположного берега, то увидел Даву, который пытался управлять движением, «действуя как полицейский»^{xxxviii}.

В течение следующей недели Пеле и его помощники и солда ты, которых теперь насчитывалось, возможно, около двадцати, продолжили идти к Вильне. 4 декабря Пеле видел Наполеона, следовавшего в сопровождении жалкого конвоя из менее чем двад цати пяти человек, а на следующий день в Сморгони он узнал, что Наполеон отбыл из армии, чтобы возвратиться в Париж^{xxxix}.

Пеле и его небольшая группа достигли Вильны 9 декабря. В городе царил хаос из-за нападения казаков. Они отыскиали продо вольствие и начали уже размещаться на ночевку, но вдруг приня ли решение продолжать движение на запад^{xl}. При отступлении Пеле и его офицеры преодолевали ужасные невзгоды при помо щии разных ухищрений. Иногда они захватывали и продоволь ствие, и транспорт, требуя соблюдения старшинства или звания; меняли теплый бульон на теплое место у походного костра; тра тили все имеющиеся у них деньги на покупку еды, жилья, одеж ды и транспорта; они видели, что многие из их товарищей поги бают от холода, голода или преследований противника, но реши тельность и удача позволили им выжить. 12 декабря они наконец достигли ворот Ковно^{xli}, а на следующий день с трудом перебира лись через покрытые льдом воды Немана, чтобы завершить одно из наиболее ужасных в военной истории отступлений, пережив гибель армии^{xlii}.

Свидетельство Пеле о вторжении в Россию и отступлении во многом уникально. Хотя его рассказ следует за общей хронологи ей событий, описанных оставшимися в живых участниками похода, приводимые в нем детали часто очень не схожи, а его наблю дения весьма проницательны. Хотя он несколько безразличен к роли русской армии, его сдержанное признание успехов казаков Платова встречается в его журнале повсюду. Фактически, наряду с голодом и плохой погодой, он видит в казаках одно из самых больших препятствий, с которыми столкнулись французы в ходе отступления.

Другой ценный аспект журнала Пеле — критика французских офицеров и высших чинов вплоть до маршала Даву. Его коммен тарии относительно Наполеона, хотя всегда почтительные, часто остры и критичны. Его презрение ко многим союзникам в составе французской армии встречается повсюду, но его уважение и при знание по отношению к польским войскам очевидно. Пеле также продемонстрировал необычайную резкость по отношению к ар тиллеристам и императорской гвардии, которые часто выживали за счет других. Приведенные им детали относительно сражения при Красном и спасения арьергарда Нея способствуют новому пониманию и оценке подлинных событий.

Примечателен также образ самого Пеле; он — больше чем честолобивый лояльный французский солдат. Мы видим в нем человека чувствительного, никогда не терявшего ни чувства сострадания, ни чувства морального обязательства перед челове ком. Он видел ужасы, которые несло вторжение в Россию как для русских, так и для французов, и на него глубоко воздействовали жертвы и страдание, смерть и разрушения, равно как храбрость и обязательства обеих армий. Хотя он будет продолжать служить Наполеону вплоть до Ватерлоо, он никогда не сможет избежать чувства отвращения к войне, особенно войне в России, где пос леднее сражение происходило на линии протяженностью в 500 миль в течение двух месяцев. Воин по профессии, но пацифист по уму, он остро видел «как ужасна война, когда она показана без внешнего лоска славы и великодушия, которые скрывают ее ужас ную правду»^{xliiii}.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ⁱ *Horward D.D.* Le Général Jean-Jacques Pelet: Homme de guerre, humanist et home d'Etat//Revue Historique des Armées. 1988. P. 21–36.
- ⁱⁱ *Horward D.D.* Le General Jean-Jacques Pelet: Warrior of the Sword and Pen//The Journal of Military History. 1989. № 53 (Jan.) P. 1–5.
- ⁱⁱⁱ Archives de la guerre: Service historique: Chateau de Vincennes: Mémoire Reconnaissance. 2073.
- ^{iv} *Segur P.-P., de.* Napoleon's Russian Campaign. L., 1959. P. 37–53.
- ^v *Pelet J.-J.* Bataille de la Moskova: Extrait des Mémoires inédits du général Pelet sur la guerre de Russia, en 1812 // Le Spectateur Militaire. P., 1830. Vol. IX. P. 105, 112–113, 123–129.
- ^{vi} *Ibid.* P. 105, 133.
- ^{vii} Пеле хранил подробное описание сражения при Бородине, которое было утеряно во время боев под Красным 18 ноября 1812 г.
- ^{viii} *Pelet J.-J.* Bataille de la Moskova: Extraits du rapport de la 2-e division du 1-er Corps d'armée (Général Eriant)//Spectateur Militaire. Vol. IX. P. 157.
- ^{ix} *Ibid.* Ришар заменил Луи Фриана, который был назначен в императорскую гвардию.
- ^x Archives de la guerre.2073.
- ^{xi} *Pelet J.-J.* Le Combat de Krasnoy. P. 524.
- ^{xii} *Ibid.* P. 527–528.
- ^{xiii} *Ibid.* P. 532.
- ^{xiv} *Ibid.* P. 531.
- ^{xv} *Ibid.* P. 536.
- ^{xvi} *Ibid.* P. 540.
- ^{xvii} *Segur P., de Op. cit.* P. 195–202.
- ^{xviii} *Pelet J.-J.* Le Combat de Krasnoy. P. 544.
- ^{xix} *Ibid.* P. 545.
- ^{xx} *Ibid.* P. 548.
- ^{xxi} *Ibid.* P.
- ^{xxii} *Ibid.* P.
- ^{xxiii} *Ibid.* Описание этой атаки включено в журнал Пеле, а также изображено на акварели полковника Ланглуа, вместе с Пеле участвовавшего в атаке. Пеле точно указал художнику, что должно быть изображено на акварели. Эта акварель была закончена в 1844 г., когда Пеле был директором Военного депо.
- ^{xxiv} *Pelet J.-J.* Le Combat de Krasnoy. P. 551-552.
- ^{xxv} *Ibid.* P. 627. Приятно считать, что Ней ссылаясь на наполеона, который, как он считал, его бросил.
- ^{xxvi} *Ibid.* P. 626-627. Пельпор и Фезенсак приписывают эту стратегию Нею. См.: *Pelleport P.* Souvenirs militaires et intimes du general vicomte de Pelleport, de 1793 a 1853. P., 1857. T. 2. T. II. 47; *Fezensac M.* The Russian Campaign, 1812. Athens, 1970. P. 79-80. Мнения в поддержку Пеле см.: *François Ch.* Journal. P., 1903–1904; *Marcelin J. B., baron de.* Mémoires du general baron Marbot. P., 1893). T. II, P. 281; *Beauvais de Préau C.T. comp.* Victoires, conquest, désastres, revers et guerres civiles des Français, de 1792–1815. P., 1818–1823. XXI, 281. Victoires attributed the strategy to «l'officier aux découvertes»
- ^{xxvii} *Pelet J.-J.* Le Combat de Krasnoy. P. 627.
- ^{xxviii} Во время посещения автром места переправы 4 июля 1976 г. ширина реки была не более 300футовую.
- ^{xxix} *Pelet J.-J.* Le Combat de Krasnoy. P. 630, 635.
- ^{xxx} *Ibid.* P. 630-31.
- ^{xxxi} *Ibid.* P. 631-632.
- ^{xxxii} *Ibid.* P. 633-634.
- ^{xxxiii} *Ibid.* P. 336. Пеле написал графу Лобау о своих действиях в Красном.
- ^{xxxiv} Archives de la guerre. 901.
- ^{xxxv} *Pelet J.-J.* Le Combat de Krasnoy. P. 683.
- ^{xxxvi} Archives de la guerre. P. 901.
- ^{xxxvii} Второй мост был построен для движения колесного транспорта, но, возможно, он не был в полной готовности к тому времени.
- ^{xxxviii} Archives de la guerre. P. 901.
- ^{xxxix} *Pelet J.-J.* Le Combat de Krasnoy. P. 689–690.
- ^{xl} *Ibid.* P. 595–596. В этот день у Пеле после встречи давнего друга и товарища Жозефа де Кавельера

поднялось настроение.

^{xli} Ibid. P. 698.

^{xlii} Segur P.-P., de Op. cit. P. 266–272.

^{xliii} Horward D. D. Campaign in Portugal. Minneapolis, 1973. P. 202.